

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. АВРУТИНА И К. МИХЕЕВА)

Исследования, посвященные проблемам и вопросам интертекстуальности, являются теоретически и практически ориентированными. Научный анализ художественных произведений с позиций теории интертекстуальности выступает необходимым условием для расширения границ понимания и интерпретации не только авторского замысла, но и мировоззрения писателя.

В рамках данной работы интертекстуальность мы рассматриваем как универсальную межтекстовую связь, с помощью которой осуществляется соединение авторского текста с предшествующими произведениями. В качестве компонентов взаимодействия «своего» и «чужого» слова (Ж. Женетт) выступают: цитаты, аллюзии, реминисценции, отношение текста к заглавию и эпиграфу.

Актуальным для дальнейшего развития современного литературоведения является исследование интертекстуальных связей в поэзии А. Аврутина и К. Михеева. Оба автора широко известны не только в Беларуси, но и за её пределами.

Г. Синило, рассуждая о поэзии К. Михеева, приходит к выводу о том, что «помимо русской культуры, античность и библейский мир – две стихии, в которых поэт чувствует себя не пришлым, не чужаком, но тем, кто знаком с этими мирами изнутри» [5, с. 155]. Поэтическое наследие А. Аврутина высоко оценено не только «братьями по перу» (В. Блаженным, И. Сабило, В. Поликаниной, Ю. Сапожковым, И. Котляровым и др.), но и видными литературоведами Беларуси и России (В. Гниломедовым, А. Андреевым, Н. Переясловым, А. Мартиновичем).

Однако следует отметить, что работ, посвященных вопросу интертекстуальности в поэзии А. Аврутина и К. Михеева, к сожалению, нет. Лишь отдельные авторы затрагивали

проблему традиций и влияний, оказавших непосредственное воздействие на становление творческой манеры письма исследуемых русскоязычных поэтов Беларуси. Так, Александр Чекменев пишет: «Да, согласимся с мнением многих, кто считает, что творческая манера Аврутина уходит корнями в поэтическую стихию «серебряного века». Но если глянуть шире — то его творческая манера уходит как раз в стихийное буйство «золотого века» [3, с. 122]. Несколькими абзацами ниже автор заключает: «Гениями «золотого века» положено считать поэтов антики, латиники, итальянского Возрождения, Байрона, Державина, Пушкина, Лермонтова; кумиры «серебряного» — Ахматова, Гумилев, Цветаева, Есенин, Маяковский, Богданович. И полнятся стихи Анатолия Аврутина их именами, мыслями, идеями» [3, с. 123]. Подтверждение этих слов обнаруживается в следующих строках: «Хочу в Лицей; где бродят Музы, / Где Пушкин плачет за стеной...» [2, с. 9]; «С кем поделиться? Блок в могиле.../ и Тютчев... И помещик Фет.../ Иных при жизни позабыли, / Кого-то не было и нет.» [2, с. 33]. Упоение поэзией русского модернизма прослеживается во многих стихотворениях А. Аврутина, например:

*Век серебряный... без суесловия
Шел сквозь выстрелы, гогот, раздраз,
Чтоб гремела страна Гумилёвья,
А вокруг — Северянинский край.*

*Трудно шел... Через рошу осеннюю,
Ту, где в кронах запутался гром.
Вдоль Ахматова, через Есению,
Через Хлебниково... Кругом [2, с. 61].*

Исследуемые нами поэты в процессе переработки основных тем и сюжетов прецедентных текстов акцент делают на стирании границ между «чужим» и «своим» текстом.

Следует отметить особое использование А. Аврутиным и К. Михеевым эпитафий. Апеллируя к чужим высказываниям, поэты вступают в полемический диалог с их авторами. Например, стихотворение К. Михеева «Последний Рим» начинается со слов митрополита Филофея «...два убо Рима падоша,

а третий стоит, а четвертому не бытии» [6, с. 97]; которые критически переосмысливаются К. Михеевым, отвергающим мифы, созданные вокруг России. Однако процесс включения эпиграфа в поэтическое пространство может преследовать и иную цель – лирик делает его отправной точкой для утверждения собственного мнения. Слова К. Батюшкова «Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал» [6, с. 150] являются эпиграфом к стихотворению «Итака» и предвосхищают его идейный смысл.

А. Аврутин также часто использует в качестве эпиграфов к своим лирическим произведениям строки из лирики русских писателей. Так «Под насыпью, во рву некошенном...» отсылает читателя к стихотворению «На железной дороге» А. Блока, в котором поэтически воссоздана картина гибели молодой девушки на рельсах железнодорожного полотна: «Под насыпью, во рву некошеном / Лежит и смотрит, как живая, / В цветном платке, на косы брошенном, / Красивая и молодая» [4, с. 129]. К этой строфе А. Аврутин обращается ещё раз: «И небо багрянится снова. / Возле насыпи – ров...» [1, с. 57]; «Святая Русь покрыта Русью грешной...» [1, с. 75] – отсылка к стихотворению «Китеж» М. Волошина; «Все исчезает – остается / пространство, звезды и певец» [1, с. 133] – цитата из стихотворения «Отравлен хлеб и воздух выпит» О. Мандельштама; «Чуждый чарам черный чели...» [1, с. 169] – цитата из стихотворения К. Бальмонта «Чели томленья»; «...Играет в саду ли, Играет в аду ли...» [1, с. 190] – прямая цитата из произведения «Какое мне дело – живой или мертвый» В. Блаженного; «Мне голос был...» [1, с. 251] – отсылает читателей к одноименному стихотворению А. Ахматова; «Плыть, плыть, плыть...» [1, с. 252] – цитата из одноименного стихотворения Н. Рубца «Плыть, плыть...»; «Семь холмов – как семь колоколов...» [1, с. 283] – отсылка к циклу стихотворений о Москве М. Цветаевой.

Таким образом, эпиграф как элемент интертекстуальности выступает одним из способов ведения «диалога культур».

Интертекстуальность лирики А. Аврутина и К. Михеева проявляется и на уровне цитирования. Как и в случае с использованием эпиграфов, цитата служит либо для подтверждения

собственных позиций поэта, либо для демонстрации мнения, отличающегося от цитируемого высказывания. Примером явной цитаты у К. Михеева выступают следующие строки:

*...рябиновой кровью на коже дрожащей берез
я пишу неумело: «Ты вся – поцелуй на морозе...»* [6, с. 125]

К. Михеев заимствовал их из стихотворения В. Хлебникова «Русь, ты вся поцелуй на морозе!..», которое, в свою очередь, также наполнено аллюзиями. Так, первая строка отсылает читателя к строкам А.С. Пушкина «Как сладко поцелуй пышет на морозе...» («Зима, что делать нам в деревне»), а следующие слова В. Хлебникова «Синею молнией слиты уста...» представляет собой также литературную аллюзию к творчеству А. Блока («Две тени слиты в поцелуе ...») [4, с. 156].

Или строфа из другого стихотворения К. Михеева:

*На пустых перегонах твержу я ночами глухими,
призывая тебя из пронизанной слухами тьмы:
«Да спасет нас, Мария, твое чудотворное имя
от бесчестья, безумья, крамоль, тюрмы да сумы!»* [6, с. 121,

«Капитанские дочери»], отсылающая читателя к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Возможно скрытое цитирование чужих мыслей, представленных в авторском тексте без выделения. Данный тип интертекстуальных отношений встречается в цикле стихотворений К. Михеева, посвященных Петербургу. Разрабатывая этот корпус произведений, автор опирается на творчество поэтов Серебряного века. Так, обнаруживаются отсылки к В. Маяковскому: «Он обречен плутать в туманах звездных, / жечь врудь певца божественным огнем» [6, с. 79, «В прохладной грезе русского ампира...»]; «...топот ног... Человека давить, как клопа, / восточковой толпе не впервой: / подогнутся колени, и хлынет толпа...» [6, с. 67, «Железная дорога»].

В творческом наследии А. Аврутина также присутствуют цитаты из художественных произведений: «Мои слова потомок проглаголит; / Как я глаголю пращура слова» [1, с. 28] – аллюзия к пушкинскому «Пророку»: «Глаголом жги сердца людей; «Опять «умом Россию не понять...» – / Так и живем, ее не понимая» [1, с. 30] – аллюзия к знаменитому «Умом Россию

не понять» Ф.И. Тютчева; «Ты думаю тревожной облечен – / *Взойдет звезда пленительного счастья?* (выделено А. Аврутиным) / Пробьется ль к людям тоненьким лучом?» [1, с. 251] – цитата из стихотворения А.С. Пушкина «К Чаадаеву» очевидна:

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья.

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена! [8, с. 84]

«Ну а я брежу... / Дым Отечества горек и едок» [1, с. 144] – афоризм из комедии А.С. Грибоедова «И дым отечества нам сладок и приятен»; «И видеть язычок свечи – той самой, / Что февралем горела на столе» [1, с. 251] – отсылка к стихотворению Б. Пастернака «Зимняя ночь». Сравним: «Мело весь месяц в феврале, / И то и дело / Свеча горела на столе, / Свеча горела» [7, с. 75]. «И где с млеком впитали извечное: «Горе уму»» [1, с. 73] – аллюзия на комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума»; «Когда сединки сделались сединками, / Себе, твердишь: «Судьбе не прекословь...» [1, с. 53] – отсылка к строкам из стихотворения М. Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел».

Интертекстуальность в русскоязычной поэзии Беларуси представляется с одной стороны, как специфическое качество, а с другой – как универсальное свойство, как один из основных приемов создания структурно-смыслового поля поэтических произведений. Читая стихотворения А. Аврутина и К. Михеева, ощущаешь их объективную, часто не осознаваемую самими авторами, причастность к литературному процессу прошлых столетий.

Список использованной литературы

1. Аврутин А.Ю. Наедине с молчанием: книга поэзии. – Минск: Маст. літ., 2007. – 303 с.
2. Аврутин А.Ю. Свет вечерний: сб. стихов. – Минск: Литература и Искусство, 2008. – 128 с.
3. Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Авцук. – Минск: Четыре четверти, 2008. – 192 с.
4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Наука, 1999. – Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). – 568 с.

5. *Михеев К.Н.* Гиперборея. – Минск, 1994. – 159 с.
6. *Михеев К.Н.* Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.
7. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1990. – 254 с.
8. Русская лирика XIX века / Вступ. статья и сост. Вл. Орлова. – М.: Худож. лит., 1981. – 511 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова